

ГОРЯЧЕЕ СОЛНЦЕ ПИЗГАРАНА

Оно и сейчас снится бывшему воину-интернационалисту, военному вертолетчику майору Владимиру Немцову

...Командир вертолета капитан Виктор Прокопов, сделав последние отметки на карте, поспешно спрятал ее в планшетку и заторопился на стоянку. Задача перед экипажем стояла непростая. По плану командования ограниченного контингента советских войск в Афганистане совместно с местными силами обороны предстояло выбить душманов из Панджшерского ущелья. Вертолетчики должны были, кроме поддержки огнем из нурсов (неуправляемые реактивные снаряды) и пулеметов, выбросить в отрогах групп десантников. А это игра в рулетку со смертью, ведь при зависании вертолет становится таким беззащитным, что его при желании можно сбить даже из рогатки.

Натужно взревев двигателями, боевая машина словно нехотя оторвалась от земли и, в считанные минуты набрав крейсерскую скорость, ушла туда, где сквозь пыльное марево смутно угадывались грозные предгорья Панджшера...

Огневого налет на позиции противника оказался удачным. Сверху хорошо было видно, как после взрывов снарядов полетели в разные стороны фигурки душманов. Их-то и поручено было «выкурить» экипажу МИ-8, где обязанности летчика-штурмана исполнял лейтенант Владимир Немцов. Один из «духов», подброшенный взрывной волной, на секунду замер на краю ущелья, балансируя руками, но сила земного тяготения оказалась сильнее, и он рухнул с полуторакилометровой высоты вниз на острые камни.

«Хорошо поработали!» - только и успел подумать Владимир, как сквозь басовитое гудение вин-

токрылой машины донесся крик борттехника: «Свочлои, попали в нас! Горим!». Это Владимир понял и сам. Вертолет словно подбросило вверх рукою великана, и салон почти сразу наполнился едким запахом пожара. Дым с примесью какой-то дряни лез в глаза, не только затрудняя обзор приборной доски, где перемигивались кнопки управления, но и мешая видеть самое главное - горы, на которых вот уже второй день производили «зачистку» ущелья мотострелки.

Но летчик-штурман на то он и летчик, чтобы подстраховать в случае надобности командира. Рывок ручки управления на себя до отказа, и МИ-8, недовольно постанывая, полет набирать высоту. Немцов хорошо понимал, что расслабиться, поддаться панике ему никак нельзя. И если, даст Бог, они из этой передряги выйдут живыми, значит, есть высшая справедливость на земле, которую так любят его боевые поборники.

«Главное, перевалить через горы, а там попробуем спланировать», - мелькнула мысль, и вдруг «вертушка» резко накренилась влево и начала падать на кишлак Пизгаран, который уютно притулился среди гор. «Там же мирные люди», - только и успел подумать лейтенант Владимир Немцов, а руки словно сами по себе вцепились в ручку управления, и вертолет по глассиде пошел вниз к недоброй земле...

А чуть позже железное нутро рвануло так, что не успел экипаж выскочить из пылающей машины, на родину «черный тюльпан» повез бы даже не гробы, а спичечные коробки с тем, что могло остаться от боевого экипажа...

Но взрыв все же успел сделать

15 февраля - 10 лет со дня вывода советских войск из Афганистана

Два взгляда на одну войну

Мы в редакции долго сомневались: надо ли ворошить печальное прошлое? Лучше, дескать, опубликовать только материал, ничем не омрачающий память воинов-интернационалистов, выполнявших долг. Но лучше ли? Ведь последствия этой самой, теневой стороны афганского конфликта еще долго будут аукаться в нашей с вами, уважаемые читатели, действительности: наркобизнес, контрабанда оружия, «грязные» доллары...

Не нам судить, кто прав был в ту пору, кто виноват. Но помнить о том, что произошло, надо. Хотя бы потому, что ритуал неоднократных встреч с граблями, похоже, становится в нашем государстве неписаной традицией. И чеченский вариант новой кавказской войны тому подтверждение.

свое страшное дело. Командир группы десантников, молодой капитан, получив сильнейшие ожоги, скончался в госпитале, не приходя в сознание, а сам Немцов отдался сравнительно «легко» - получил компрессионный перелом позвоночника. И в путь по госпиталям, по госпиталям... Но не сдались судьбе летчик. До изнеможения тренировал тело, сам разработал для себя методику восстановления и победил злой недуг, приковавший его к госпитальному ложу. А когда при выписке в летной книжке появилась запись о годности к летной работе, первое, что спросил молодой офицер у медицинских светил: «Могу ли вернуться в Афган, в свой полк?» В кабинете начальника госпиталя наступила тишина. А потом были полеты еще и еще...

Через все прошел этот коренастый, с проседью в шевелюре майор - ныне один из лучших летчиков-штурманов звена Вологодской смешанной авиаэскадрильи. Не раз и не два смотрел смерти в лицо, видел гибель товарищей по оружию, как горели они в своих боевых машинах, падая вниз на чужую землю, чтобы через секунду-другую после взрыва уйти в вечность... Но жизнь продолжалась даже на земле Афганистана. И вновь и вновь рвал синеву горячего неба вертолет Владимира Немцова.

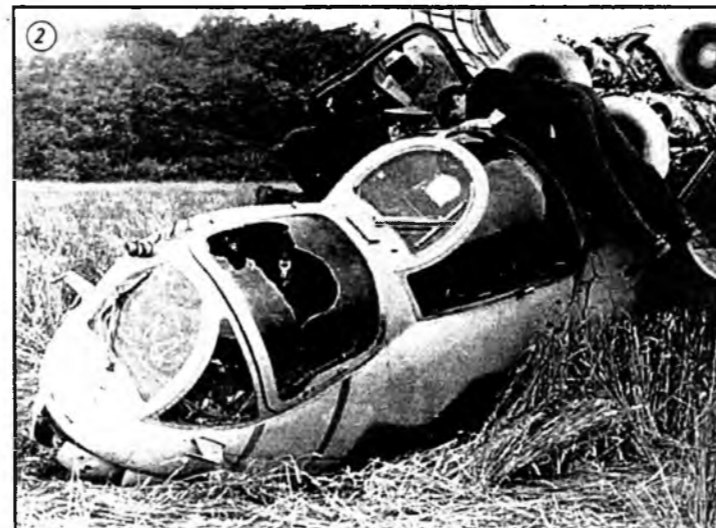
Шиндант, Баграм, Кундуз, Гарdez, Газни, Бамиан. Об этих населенных пунктах военный летчик первого класса знает не понаслышке. Все они пролегли через его сердце, везде приходилось «работать», и порою по несколько суток не смыкая глаз, расчищая пушкой и пулеметами дорогу матушке-пехоте, морякам Тихоокеанского флота, а

иногда и омонцам с соборцами, если их здорово припечет какой-нибудь местный князек, поливая вокруг себя из автоматов и «стингеров».

...Та необъявленная война закончилась десять лет назад. Но нет-нет да и приснится Владимиру Немцову тот самый памятный для него бой в отрогах Панджшерского ущелья и яркое, бьющее прямо в блистеры вертолета горячее солнце Пизгарана...

Александр РАЕВСКИЙ, подполковник, специально для «Красного Севера».

На снимках: 1. Афганистан 1984 года. Перед выполнением боевого задания. Слева - лейтенант Владимир Немцов. 2. Война, Афган 1985 года. (Фото из архива майора В. Немцова).

Я ВОЗИЛ «ГРУЗ 200» И НАРКОТИКИ

Моего знакомого Сергея (имя по его просьбе изменено) как-то прорвало: «Не могу больше молчать, пусть об Афгане через вашу газету люди узнают правду.

Пустая была война!

И нужна она была для того, чтобы отмывать деньги и переправлять наркотики!»

Сергей попал в Афганистан в 85-м, в самый разгар событий, и отбомбил там в прямом смысле полтора года. В звании капитана водил эскадрилью вертолетов на задания по маршруту Кабул - Джезказган - Джелалабад. «МИ-26», прозванный в народе «горбатым», вообще-то считался полубоевым вертолетом, хотя носил на борту четыре «тепловые» ракеты. Сергей перевозил на нем и диппочту, и гробы - доставлял их к «черному тюльпану». Когда из кишлаков открывался огонь, врзал по ним «тепловухами», и наступала тишина. Но был среди прочих особый груз - наркотики.

- Наркота раньше у нас не была так распространена, - продолжал рассуждать Сергей.

- Считаешь, что она пришла к нам через Афган?

- Да, я ее возил. Бейте меня!

- А что ты имел с перевозок? Обычно при этом рискуют собственной шкурой...

- Ничего не имел. Возил по приказу.

- Ты же мог их послать!

- Куда?

- За наркоту можно далеко послать.

- Были коммунистические времена, и был приказ: вот этот чемоданчик доставить туда-то и туда-то.

- И что возили?

- Гашиш, марихуану. Я чисто случайно об этом узнал. Раз пять переправлял. А как только узнал, эти моджахеда по мне «стингером» врзали. Они могли и гранатометом рвануть - конструкция «МИ-26» не позволяла взлететь выше 2,5 тысячи метров. И ползешь, как черепаха, чтобы хватало воздуха.

- Сергей, а можно уйти от ракеты?

- Можно: сверху идешь, видишь - по тебе залп дали. Сектора всех двигателей выключаешь и падаешь. Флюгер включишь - это когда винты в разные стороны работают - и планируешь. Ракета ведь реагирует на выхлоп двигателя, дальность два километра, потом самоуничтожается.

Сергей был командиром экипажа, его вертолет горел в воздухе трижды. Можно было, конечно, прыгнуть с парашютом, но он спасал машину до последнего - «дорогая ведь!» Спасал вместе с бортмехаником Сашей:

- Правый мотор горит, перекрывает, - говорю ему. Сашка перекрыл. Но огонь перекинулся на левый. Кидай фуфайки, - кричу, - что поало. Петли крутил, ни хрена не вышло - горим. Садимся через две

минуты полета. Парашюты зацепили. Дотянули до нашей территории. Только успели выпрыгнуть, катапульта сгорела. Увезли нас в госпиталь на обследование, а потом дали новый борт. Саха погиб в третьем падении.

Сергей надолго замолчал - потерю друга он переживает до сих пор очень остро. Ко всему прочему решил, будто сам он, как пилот, причастен к гибели Саши - не тем, мол, бортом садился.

- При посадке кто-то из соседнего кишлака долбанул по нам ракетой. А бортмеханик должен сообщить бортпилоту, как проходит посадка. Говорил ему - не открывай двери! Его снял снайпер. Я вычислил, откуда стреляли. Смотрю, а Саха перевалился через борт. Тут же поднял машину и врзал «тепловухой» по кишлаку, а потом еще раз с другой стороны. При посадке горел борт. Попал я в госпиталь.

- Ты был ранен?

- Поцарапало по ногам осколками. После госпиталя вызвали к вышестоящему начальству. Сказали, что разжалован за превышение полномочий. На трое суток посадили перед этим под арест. Ну, я и сорвал погоню. Все, после этого с Вооруженными Силами не имею ничего общего. Пытались меня, правда, в Чечню заманить, даже звание для этого повысили. Но я показал им рукой известную фигуру. Больше я в эти игры не играю. Вот на границе мы бы с тобой, собака, послужили, правда ведь? - обратился он к немецкой овчарке, внимательно слушавшей наш разговор.

Говорили мы и о бардаке в армии, когда свои лупили по своим. Как пехоту, бывало, не могли прикрыть с воздуха - пилоты не способны были поднять борт в силу своей обкуренности.

- Летишь, - вспоминал Сергей, - и получаешь приказ по рации: долбани в этот квадрат. Долбанешь, а там свои. Оттуда - из мати в мати! Хорошо, у меня был грамотный штурман Костя, говорил: там ведь свои, не делай дурных действий! Пусть ему земля будет пухом, повесился после Афгана.

Наверное, разложение нашей армии началось именно с Афгана, подумала я. Ребят просто изнасиловали, обесчестили по приказу. За что, спрашивается, разжаловали того же Сергея, если он нанес удар по цели, откуда был открыт огонь? Разве его вина, что война была партизанской, и каждый мирный крестьянин в определенных обстоятельствах становился «духом»? С той стороны воевали с нами не только местные жители, но и контрактники со всего света. С ними расплачивались долларами. Были установлены расценки за каждый вид уничтоженной техники. А что поймали с этой войны наши солдаты? Не берусь отвечать за генералитет, но простым смертным досталось в афганском пекле на полную катушку. И даже похоронить их по-человечески зачастую не считали нужным. Сергей сетует, что Сашу похоронили в Туркмении, хотя он родом с Вологодчины. На всех, сказали, цинков не хватит. Да прах летунов, как правило, и не возили на родину - считалось, что если «вертушка» грохнулась, от нее ничего не должно остаться.

Сергей за полтора года Афгана не получил ни одной боевой награды, не имеет он и пенсии, поскольку ушел из армии добровольно. И вообще не пользуется никакими льготами. Единственным «утешением» за Афган он считает то, что помог подтянуть на ноги дочке своего друга Саши. Когда отца убили, ей было 12 лет. Много лет перечислял Сергей деньги семье погибшего. И делал это анонимно. Родственники Саши до сих пор не знают, кто им посылал «пенсию». А дочка, слава Богу, вышла на днюх замуж - теперь о ней есть кому позаботиться!

Светлана ВЕТРОВА.